
УМИРАЮЩИЙ ВОЛШЕБНИК ВНУТРИ МЕНЯ

Призрак Алекс Робин

Оглавление

Глава 1.....	4
Глава 2.....	11
Глава 3.....	18
Глава 4.....	28
Глава 5.....	34
Глава 6.....	42
Глава 7.....	47
Глава 8.....	53
Глава 9.....	60
Глава 10.....	65
Глава 11.....	72
Глава 12.....	78
Глава 13.....	87
Глава 14.....	101
Глава 15.....	114
Глава 16.....	133
Глава 17.....	173
Глава 18.....	189
Глава 19.....	203
Глава 20.....	217
Глава 21.....	241
Глава 22.....	249
Глава 23.....	267
Глава 24.....	280
Глава 25.....	303

С благодарностью посвящаю эту книгу Марку, что был всегда рядом, Стасе, благодаря которой я вновь начала писать, Аглае и остальным моим друзьям за помощь. И, конечно же, тебе, мой дорогой читатель.

Пролог.

Вероятнее всего, раз уж вы открыли эту книгу, вы хотите знать, кто я и где я родилась, кем были мои родители, что послужило началом этой истории.

Тогда я начну с того, что мои родители начали свой путь совершенно в разных местах: моя мама родилась в деревне, где и начнется эта история, а мой отец - в столице Империи Лиими, моей страны, где, как и в деревне, я раньше никогда не бывала. Мои родители встретились совершенно случайно, переехали в новый город, в котором после родилась и я. Мой город не был известен живописной природой или историческими сооружениями, но, тем не менее, о нем знали и за рубежом. Мой город, который называется Робин-Вилль, когда-то давно был самым процветающим городом Европы, и самым серым городом мира. Рабочие уходили на заводы, потому что Робин-Вилль был точкой импорта и экспорта зарубежной и нашей продукции, так же здесь располагалась промышленная зона и фабрики по производству военной техники и оружия: моё государство сочло это очень выгодным. Но сейчас мой город такой же разрушенный, как и остальные города Империи. И единственное, что осталось с тех времён - небо, что всегда было серым, будто весь город лишился цветов. Но никого это не волновало, кроме как таких же детей, как я, подобно сиротам, брошенным в центре рабской системы, где работа заменила желание и стремление жить. Из нас жаждали сделать роботов, а не людей, рабов, а не

мятежников. И она, власть, всё время пыталась делить нас по шаблонам, не давая ни единого шанса никому из нас. И дети с рождения смирились с мыслью о сером будущем, ненавистной работе на гнилых фабриках и безысходности. Наверное, от этого мы и перестали ценить саму жизнь.

И если подумать, то можно легко догадаться, что в таком мире дружбе и любви учились по молчаливым книгам и однотипным фильмам, а единственные крики души были написаны только на стенах метро или в грязных подъездах старых домов, но и эти слова были рождены в той же тишине, в которой мы все окончательно разучились слышать. И именно в этом городе родилась и жила я. Но кто я?

Глава 1.

Я помню этот день, я помню, что это было тринадцатого июня, и тогда я сидела в двадцать третьем кабинете больницы моего города. За последний год это стало моим вторым домом. Я запомнила эту дату, потому что совсем недавно был мой очередной день рождения, который я уже как третий год праздную в компании самой себя и желанием пережить этот день как можно быстрее.

- Нет, - сказал врач, - Я просто не знаю, что с вами делать.

Мама сильнее схватила меня за руку, мне стало больно, и я попросила её не трогать меня.

- Одни анализы говорят одно, другие...другое...- врач продолжал разбирать бумаги в моей медицинской книжке, - И если НДКТ и новые анализы снова дадут тот же результат, мне придется приписать вам рак легких начальной стадии.

Я лишь заметила, как моя мама начала плакать. А я, уже совсем зеленый из-за болезни человечек, сидевший и убито смотревший на все вокруг подросток, лишь улыбнулась тому, что мне приписали новый диагноз. По правде, мне было уже все равно. Я безразлично смотрела на тихое нытье своей мамы и улыбалась так, как только могла, потому что улыбаться было очень тяжело.

- Но для этого вам придется переехать, - продолжил врач, не обращая на маму ни малейшего внимания, - К сожалению, в Робин-Вилле сейчас нет возможности для вашего лечения из-за большого количества больных, а так, как это далеко не официальный диагноз, вас срочно госпитализировать не будут.

У меня снова начался резкий приступ кашля, мне быстро дали платок и ингалятор. Когда я снова пришла в своё «нормальное состояние», врач подал маме распечатку и продолжил:

- В этой больнице вы будете проходить тот же курс, что и здесь, только в случай чего вас сразу же госпитализируют туда...

- Но...- перебила его моя мама, - Этот город...В нескольких километрах от него находится деревня, где я выросла...У нас там ещё остался домик!

- Это хорошо, очень хорошо.

- Тогда никаких проблем с переездом не будет!

Мама радостно посмотрела на меня, а я, из уважения, сквозь зубы улыбнулась в ответ. Она опять сжала мою ладонь, а я в очередной раз попросила её не трогать меня.

Спустя некоторое время мы с мамой решили прогуляться. Меня очень редко выводили на улицу, и эта минутная прогулка после каждого посещения больницы была единственной возможностью для меня вернуться в этот мир, что прятался за моим окном.

- Вижу, тебе очень нравится болеть, - сказала она мне.

Я даже не стала смотреть на свою маму. Я смотрела на обёртки из-под дешёвых конфет и пачек сигарет, разбросанных по всей улице, и считала их, чтобы хоть как-то отвлечься от уже приевшихся мне негативных мыслей.

- Я не выбирала судьбу, - наконец ответила я ей.

- Ты хоть понимаешь, как мне тяжело? Тяжело смотреть, как ты кашляешь целыми днями! Днем и ночью, днем и ночью...Эти таблетки! И снова таблетки! Двенадцать штук в день! Такого и пенсионеры не принимают, а ты, в свои четырнадцать!..

- Мама, замолчи пожалуйста, ты меня раздражаешь.

- У тебя же еще детство, впереди столько интересного, а ты сидишь в квартире... Да соседи и знать не знают, что у меня вообще есть дочь!

- Мама, - уже не выдержала я, - Хватит уже! Говоришь так, как будто это ты болеешь, а не я! Будто мне менее тяжело, чем тебе! А знаешь, кто виноват в том, что дошло до такого? Ты! Это ты отказалась вести меня к врачу первые недели, ты мне не покупала таблетки, но зато я ходила в школу! В школу! Вместо того, чтобы хоть раз сходить к врачу! Конечно, с раком легких у меня блестящее будущее, не так ли?!

Я опять же не стала смотреть ей в глаза, а она молча шла рядом. Я злилась на все вокруг. Я ненавидела весь мир, в особенности самых близких мне людей.

Мы шли под мостом, а над нами гудели машины куда-то торопившихся людей. Вдоль стены лилась вода ещё не до конца подтаявшего снега. Было довольно морозно, и я сжала руки у груди чтобы согреться. Наконец, едва пробравшись через грязь и лужи недавнего дождя, мы снова вышли на грязный асфальт.

Я всегда смотрю вниз, когда куда-то иду, но не потому что смотрю под ноги, чтобы не споткнуться, а потому что не желаю видеть окружающую среду. Вот рядом лежит бездомный, от которого пасёт спиртным. Вот старуха, целуя асфальт, упёрлась коленями на полотенце и молилась то ли божеству, в которого верует, то ли проходящим мимо людям... В любом случае, делала она только из жалости к самой себе, прося окружающих кинуть ей в пластиковый одноразовый стаканчик денег.

В такие моменты мне становилось не страшно попасть в ад, потому что знала, что я уже в аду.

Я посмотрела на пасмурное небо, которое всю жизнь сопровождало меня, окружало весь мой город и все мои воспоминания. И только сейчас я поняла, что в нем больше не осталось никаких других оттенков, кроме этого серого цвета, который выводит меня из себя, который стал единственным цветом, что я вижу. Это небо тоже мертвое, как и все мы, те, которые больше не видят смысла жить дальше, потому что болезнь пожирает нас изнутри, сокращая всех нас, убивая. Этот серый цвет станет для меня единственным оттенком, который я запомню, потому что я знаю, что больше жить я не хочу.

И тогда, шагая по мокрому асфальту, такому же серому, что и небо, я стала вспоминать тот день, когда начался этот проклятый кашель...

Это было двадцать восьмого сентября прошлого года, когда я и мои ровесники, глупые и высокомерные семиклассники, поехали на выезд с ночевкой в соседний городок Юкиярви. Там были дети и постарше, и они старались держаться подальше от нас, так что мы были неким подобием изгоя этого веселья. И тогда, ночью на улице, мы танцевали, шутили по-взрослому, оскорбляли друг друга, обсуждали и задирали тех, кто не пришел...В общем, делали все то, что и обычные дети нашего возраста. Среди тех, кто не пришел, оказалась и моя лучшая подруга Дакота. Её оскорбляли меньше всех. Не потому, что она была идеалом каждого из нас, напротив, её все боялись. Девочка, с которой дружить мне оставалось совсем недолго, девочка, чья страсть была только к власти над людьми. Она не любила шумные компании, но у неё было значительное окружение. Она была не из тех девочек, которые просто задирают других, считая себя королевами красоты и моды. Дакота задирала всех, потому что ненавидела себя, хотя, тогда я этого ещё не понимала. Да, соглашусь, она была довольно умным человеком, в чём я ей очень завидовала. Она знала столько, что её можно было слушать часами, но она стеснялась и злилась, если кто-то знал то, чего не знает она, потому что она не терпит, чтобы кто-то был лучше её. Поэтому её окружение я называю «низкими и жалкими». Это те люди, которые привыкли казаться глупыми, неспособными на что-либо, кроме как глупостей, но и они вместе были тем, без чего Дакота не могла удовлетворить своё желание быть первой и главной, быть выше всех. И да, я была одной из «низких и жалких», потому что мне тоже хотелось быть такой же, как она.

После такой вечеринки не удивительно, что я начала кашлять. Хотя я и была очень усталая, в школу мне нужно было прийти. Я быстро одела школьную форму, накинула пальто и шарф, прихватила портфель и побежала туда. Хотя я и не опаздывала, мне очень хотелось сообщить Дакоте новости и сплетни о ребятах, которые я узнала вчера, в особенности то, что я начала кашлять.

Около кабинета я и встретила Дакоту, игравшую в «Тетрис». Я специально приbedнилась, начала громче и чаще кашлять, чтобы на меня обратили внимание.

- Кашляешь? Вы что, на улице танцевали?

- Тебе тоже привет. Да, а как же без этого.

Больше она мне ничего не сказала. Она всё так же не отрывалась от своей игрушки.

- Я надеюсь, что это бронхит, - снова попыталась обратить на себя внимание, - Это было бы здорово. Бронхит длится две-три недели, как раз пропущу контрольные, а после и каникулы начнутся.

Мечта каждого ученика школы, не так ли? Тем не менее, тогда это и вправду было моей мечтой.

Только теперь Дакота оторвалась от игрушки.

- Мэрилин, - обратилась она ко мне, - Дашь списать домашку?

Меня разбудила мама, постучавшись в мою комнату. Я притворилась, что ещё сплю, чтобы та не заставляла меня выполнять домашнюю работу. Но она лишь позвала меня выпить новые таблетки, что мне прописал врач этим утром в больнице. Я встала с кровати, немного пошатнувшись, взяла у мамы из рук стакан с водой и

новые таблетки, затем пошла в туалет. Я стояла у раковины, на стене рядом с которой висело зеркало. Я посмотрела в глаза самой себе.

- Ну что, приятного аппетита! – сказала я, стукнувши стакан о стакан в отражении, запила этот химический ужас и снова направилась к кровати. Но тут моя голова ещё сильнее закружилась, я покатила куда-то вправо и, не сумев устоять на ногах, упала прямо на пол, успев опереться на руки. У меня всегда кружится голова, но не так, как сейчас. Я села на колени, склонила голову вниз, сжала руки в кулак и начала что-то бормотать про себя. Я услышала, как капли дождя целуют моё окно и серый асфальт. Я взглянула в окно. Да, там идёт дождь. Я смотрела на него, чувствуя себя никчемным, кинутым... Я подумала о людях, которые сейчас сидят дома, потому что на улице идёт этот проклятый дождь, и я начала им завидовать. Даже в клетке внешнего мира они свободнее меня. Даже человек, сидящий днями напролёт в офисе, имеет больше возможностей, чем я, брошенный счастьем и миром сего ненужный подросток.

Одолевши свои силы, я встала и подошла к окну. Посмотрела вниз, а на улице никого.

И в тот же миг мне стало жалко этих людей, которые боятся дождя, потому что он мокрый, боятся дождя, потому что он холодный, боятся, что они простудятся...

Но мне стало всё равно.

Я снова легла в кровать, в надежде, что навсегда усну глубоким сном, подальше из этого гнилого мира.

Когда я не хочу думать о своём прошлом, оно всё равно напоминает мне о себе. Бывает, я иду по улице или пишу в дневнике, как вдруг перед моими глазами всплывают